

ЖЕНСКАЯ ПРОСТИТУЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОЧЕВИДНОСТИ

А.Н. Кожановский

Александр Николаевич Кожановский | <http://orcid.org/0000-0003-1699-3660> | ankozhan49@yandex.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

современная Испания, женская проституция, социально-ценностная эволюция, общественно-культурный конфликт

Аннотация

На протяжении нескольких десятилетий постфранкистского развития испанское общество пережило эпохальные социально-культурные трансформации, радикально изменившие его идеологическую атмосферу и ценностные ориентации. Рассмотрение ситуации с женской проституцией в Испании позволяет лучше понять характер произошедших перемен и их направленность в целом, а также сравнить бытование данного специфического явления сегодня и в предшествующую эпоху. Автор отслеживает эволюцию отношения испанского общества и государства к проституции как таковой и к вовлеченным в нее категориям лиц (проституткам, их хозяевам и сутенерам, клиентам и др.) в условиях доминирования в общественном дискурсе так наз. либеральной парадигмы. В ряду черт своеобразия “испанского случая” отмечается национально-демографический состав “секс-работниц”, а также затянувшаяся острая борьба мнений вокруг трактовки проституции в обществе, не позволяющая принять соответствующий закон и тем самым покончить с ее нынешней “алеальностью” (“ни разрешения, ни запрета”).

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках НИР ИЭА РАН

В начале следует уточнить, что термин “современный” в заголовке статьи в данном случае подразумевает период испанской истории, обозначившийся в конце 1970-х – начале 1980-х годов, когда в стране, после кончины правившего три с половиной десятилетия диктатора Фр. Франко, был осуществлен радикальный социально-политический поворот от авторитаризма к либеральной демократии, в условиях которой Испания и пребывает до сих пор. За несколько десятилетий этого периода испанское общество претерпело глубокие всесторонние внутренние трансформации, которые настолько изменили его,

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кожановский А.Н. Женская проституция в современной Испании: неопределенность очевидности // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 70–84. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030041> EDN: COXBIV

Kozhanovsky, A.N. 2023. Zhenskaia prostitutsiia v sovremennoi Ispanii: neopredelennost' ochevidnosti [Female Prostitution in Contemporary Spain: Uncertainty of the Obvious]. *Этнографическое обозрение* 3: 70–84. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030041> EDN: COXBIV

что некоторые местные аналитики говорят ни больше ни меньше как о смене эпох испанской истории на протяжении жизни всего одного поколения. Ученые разных специальностей пытаются осмыслить содержание и понять направление уже произошедших и продолжающихся изменений – в этом видит свой основной исследовательский интерес и автор данной статьи. Очевидно, что чем больше аспектов такого сложного и многообразного социально-культурного феномена, как испанское общество в его непрерывной эволюции, попадет в сферу поиска, подвергнется внимательному изучению, тем больше будет материалов для сравнения и оценки, тем убедительнее окажутся общие выводы и надежнее предположения относительно положения дел в общественно-культурной сфере и ее дальнейшего развития. Как представляется, одним из поисковых “замеров” вполне может быть конкретное исследование такого явления социальной жизни испанского общества, как женская проституция. Насколько можно судить, эта тема в отечественной научной испановедческой литературе с подобной целью пока что не рассматривалась. При этом приходится считаться и с крайней ограниченностью доступных источников, содержащих информацию о проституции, и с тем, что официальные данные по наиболее значимым ее аспектам заведомо отсутствуют, а в работах самих испанских исследователей-гуманитариев эта тема обычно характеризуется как недостаточно изученная именно историками и культурными антропологами, поскольку представители этих специальностей “привычно уступали данное исследовательское поле историкам права и историкам медицины”, и такая тенденция сохранялась до сравнительно недавнего времени, когда феномен и социально-административный статус проституции стали одной из тем обсуждения в общественном дискурсе западных стран (*Escobedo Muguerza* 2019). В связи с этим, как с сожалением констатируется одним из испанских авторов, “даже высказанные суждения [по теме] невозможно сколько-нибудь убедительно подтвердить или опровергнуть”, – к примеру, с определенностью ответить на вопросы, отрывочно возникавшие и фиксировавшиеся прежде в процессе разрозненных этнографических исследований: действительно ли в большей части испанского сельского традиционного мира забеременевшую девушку изгоняли из родного селения и ей приходилось перебираться в город и заниматься проституцией, чтобы выжить? можно ли было каким-либо образом избежать такого хода событий? и мн. др. (*Moreno Mengibar, Vázquez García* 1997b).

В программе полевых изысканий автора, в ту пору, когда они были возможны, данная тема не значилась. В итоге материалом для поиска в нашем случае послужили нашедшие отражение в СМИ и научной литературе сообщения и оценочные высказывания самих испанцев – как рядовых граждан, так и представителей различных государственных органов, административных и социальных служб, партий и общественных организаций, а также исследования и выводы испанских и других зарубежных ученых. Задача, решаемая в процессе работы, состояла в том, чтобы на основе собранного таким образом материала рассмотреть картину бытования женской проституции в контексте Испании Новейшего времени, в условиях радикальной ломки вековых основ традиционного общества. Несомненный интерес представляют специфически испанские особенности существования, развития и восприятия населением этого безусловно примечательного явления – но в попытке выделить их мы можем, в силу обстоятельств, опираться главным образом на субъективные мнения и оценки комментаторов, так или иначе погруженных в рассматриваемую проблематику, нежели на какие-то объективные и сопоставимые данные.

Наконец, последняя из необходимых оговорок состоит в том, что речь здесь будет идти именно о женской проституции, притом что всегда имела место, а в последние десятилетия обозначилась особенно остро мужская гомосексуальная проституция, которая, однако, останется пока вне сферы нашего внимания.

Проституция в Испании в предшествующие века

Итак, если мы, реализуя изложенный выше замысел, обратимся к истории Испании нескольких последних столетий, то увидим, что проституция как явление бытовала там все это время. Тем не менее условия и формы ее существования, как и отношение к ней государственной администрации разных уровней, а также самого испанского общества в его различных слоях и сегментах, вовсе не были единообразными и, более того, время от времени претерпевали довольно резкие и радикальные изменения. Так, вплоть до 1620-х годов присутствие публичных домов (*mancebía*) в испанском социальном пространстве было вполне обычным, они функционировали как в “стационарной”, так и в “разъездной” форме, но непременно под контролем властей (королевских или муниципальных), которые назначали управляющего заведением, ответственного за порядок и уплату налогов. Владеть публичным домом и получать с него доход могли самые разные лица и учреждения – вплоть до религиозных орденов и корпораций. В последнем случае финансовые обязательства реализовались обычно опосредованно: здание на земле монастыря, храма, конгрегации, церковной больницы и пр. сдавалось арендатору, а тот уже размещал там бордель. Что же касается общей позиции церкви в отношении рассматриваемого явления, то в ту эпоху она характеризовалась скорее терпимостью: проституция воспринималась как “меньшее зло”, как способ вынести возможные сексуальные эксцессы за рамки семьи и таким образом сберечь семейные устои, семейную честь и сохранить стабильность в социуме. Согласно расхожим представлениям того времени (во многом не утерявшим свое значение и по сей день), неконтролируемый мужской инстинкт, будучи подавленным, с неизбежностью приведет к насильственным действиям как против женщин, так и против общественного порядка. При этом власти, озабоченные исходящей от борделей и проституток потенциальной опасностью для означенного порядка и моральных норм, время от времени предпринимали всякого рода выборочные ограничительные меры: закрывали некоторые *мансебии*; заставляли владельцев перемещать свои заведения подальше от центра или огораживать их стеной; иногда требовали, чтобы в публичном доме была лишь одна дверь, которая запиралась бы на ночь; обязывали проституток иметь какие-то приметные детали в одежде (напр., шафрановые вуали) или же, напротив, запрещали носить украшения и использовать косметику для того, чтобы отделить их внешне от “порядочных” женщин; не позволяли проституткам заниматься своим ремеслом вне пределов борделя и т.д. Сурово преследовались сутенерство и сводничество, категорически запрещались публичные дома, не подконтрольные властям (*Moreno Mengíbar, Vázquez García 1997a*).

Во второй половине XVI в. на волне католической “рехристианизации” испанского общества и в связи с распространением страхов перед венерическими заболеваниями, источником которых стали публичные дома, умножились ограничения и меры воздействия в отношении обитателей и посетителей борделей (так, “жрицам любви” не позволяли работать в воскресенье, принуждали к

выслушиванию религиозных наставлений, к участию в церковных службах и пр.). А в начале 1620-х годов были запрещены и сами *мансебии*; женщин, пытавшихся торговать своим телом, теперь стали задерживать и отправлять в особые женские исправительные дома или же высылать из большого города в родные селения (*Moreno Mengibar, Vázquez García 1997a*).

Период “подпольного” существования проституции в Испании продолжался до середины XIX в., когда власти страны в стремлении обуздать неистребимую уличную продажную любовь с порождаемыми ею конфликтами, скандалами и правонарушениями, а равно ограничить распространение заразных венерических болезней, приняли – с оглядкой на “передовых” европейских соседей, прежде всего Францию – специальный регламент (административные правила), в рамках которого проституция получала легальный статус, но на весьма жестких условиях. Вновь открывавшиеся – конечно же, под строгим контролем властей – дома терпимости, в отличие от французских с их вывесками и красными фонарями, не должны были иметь никаких внешних атрибутов; все, в них происходящее, должно было быть укрыто от посторонних глаз плотными шторами на окнах. Обитательницам заведений предписывалось регистрироваться в качестве проституток, что предполагало постоянный медицинский контроль и накладывало целый ряд существенных ограничений в отношении их образа жизни, поведения, режима перемещения по городу, внешнего вида и т.д. “Труженицы борделей” обязаны были платить налог, “чтобы покрыть те расходы, которые несет администрация, осуществляющая надзор за ними”. Неисполнение предписаний влекло за собой штраф и санкции – вплоть до тюрьмы и изгнания из города. Но даже если не фиксировалось никаких нарушений, достаточно было требования, поддержанного определенным числом соседей, чтобы выселить проститутку из того дома, где она жила, – что с очевидностью говорит о высокой степени маргинализации этой категории женщин.

Введение в 1840-е годы регламентации проституции в Испании означало победу сторонников упоминавшейся выше концепции “неизбежного зла”. Есть, правда, сообщения о том, что появившиеся было во многих испанских городах бордели вскоре закрылись под давлением общественного мнения – и, насколько можно судить, сугубо по моральным основаниям (*Guereña 1995*). Но к началу XX в. публичные дома стали уже привычным явлением в городском пространстве страны, и это как будто подтверждало мнение тех, кто считал, что официальная терпимость к проституции даже в условиях жесткого надзора однозначно способствует ее умножению и распространению.

Нужно сказать, что обе упомянутые модели государственной политики в отношении проституции – “регламентаризм” (нормативное регулирование) и “запретительство” – отражали взгляды сторонников доминировавшей в Испании вплоть до последней четверти XX в. традиционной идеологии, в парадигме которой все женщины делятся на две категории: хорошие, приличные, жены/матери и плохие, порочные, падшие, а продажа сексуальных услуг однозначно определяется как позорное, недостойное занятие. Но если “регламентаристы” прежней эпохи на этом основании считали правильным установить жесткий контроль над проституцией и ее стигматизированными “служительницами” и при этом сделать их максимально незаметными в общественном пространстве, то “запретители” требовали не только признания самого этого ремесла уголовным преступлением, но и применения суровых наказаний к тем, кто им занимается или наживается на нем (*Boza Moreno 2019*).

“Историческое противоборство” в Испании между этими двумя подходами к рассматриваемому явлению продолжилось и в XX в. в условиях резко менявшейся общественно-политической атмосферы. В 1935 г., при Второй республике, режим регламентации в отношении проституции был официально отменен, как и она сама. Однако вскоре после начала гражданской войны на несколько лет по обе стороны фронта в сфере продажной любви воцарилась сумятица, зачастую переходившая во вседозволенность (*Boza Moreno* 2019). Большая концентрация воюющих мужчин и потерявших работу женщин неизбежно способствовала повсеместному росту проституции; в то же время в республиканской зоне делались попытки покончить с ней: внедрялась революционная сексуальная мораль, вводились меры по “профессиональной переподготовке” проституток (приобщению их к иным видам деятельности) и т.д. (*Nicolás* 2007).

Эпоха авторитарной диктатуры

С победой франкистов (в условиях послевоенной бедности и лишений значительной части населения) на некоторое время вновь вернулся режим регламентации. В 1940 г. в стране насчитывали около 200 тыс. проституток и 1240 зарегистрированных публичных домов (кроме того, существовали многочисленные неофициальные заведения) – и все это на фоне подлинной одержимости идеологов господствующего национал-католицизма строгим соблюдением в общественном пространстве моральных постулатов, в числе которых особый упор делался на известную библейскую заповедь “не прелюбодействуй!”. Критически настроенные комментаторы даже позволяли себе называть Испанию той эпохи “огромным публичным домом”, поскольку парадоксальным образом официальный культ половой морали и жесткий контроль над отношениями полов здесь сочетались с широким распространением проституции, по сути, превратившейся в общественно приемлемое развлечение, привычно практикуемое как холостыми, так и женатыми мужчинами. Нанесение визита в публичный дом (исп. “ir de putas”) стало частью очень многих “мужских” мероприятий (туристических поездок, дружеских встреч, солдатских вечеринок и пр.). Церковь и моралисты не одобряли походы в бордель, но фактическое отношение было терпимым, разумеется, с условием строгого соблюдения внешних приличий и “невидимости” для общества. При этом неукоснительно преследовалась проституция “незаконная”, т.е. существовавшая вне официальной регистрации, постоянного полицейского и медицинского контроля.

В 1956 г. ситуация вновь резко изменилась. Франкистская Испания, только что принятая в ООН, подписала среди прочих и конвенцию, касающуюся проституции, где “труженица панели” трактовалась как жертва, а за вовлечение в это занятие и его эксплуатацию третьими (помимо самой проститутки и ее клиента) лицами, за организацию и содержание публичных домов, сводничество и сутенерство предусматривались наказания; привлечение же к ответственности самой женщины, занимавшейся этой деятельностью, полностью исключалось (*Nicolás* 2007). Такая модель политики в отношении проституции, уже третья по счету после упомянутых выше “регламентаристской” и “запретительской”, известна как “аболиционистская” (название было специально выбрано ее создателями в XIX в. с тем, чтобы оно ассоциировалось с борьбой за освобождение негров-рабов – в данном же случае подразумевалось преодоление подчиненного положения женщины в обществе). Со временем эта мо-

дель ощутимо эволюционировала и распространилась в нескольких вариантах. Один из них, наполовину “запретительский”, утвердился в Испании взамен отмененного регулирования – по оценкам наблюдателей, вопреки духу и букве подписанной франкистами международной конвенции, но зато в логичном соответствии с политическим режимом и идеологической атмосферой в стране. Были закрыты бордели и другие заведения, где практиковался платный секс, при этом в директивных юридических документах не было прописано никаких наказаний для занимающихся этим ремеслом женщин, только те, кто склоняет их к этому или наживается на них, привлекались к ответственности (до 6 лет заключения). Однако принятый вскоре закон относил проституток к категории “опасных для общества” граждан. Их ставили на учет, им грозила тюрьма за “нарушение общественного порядка”, “угрозу общественной безопасности” или “бродяжничество” или же высылка в другие районы страны, их подвергали принудительным медицинским обследованиям и карали за попытки уклонения и от таких осмотров, и от полицейского надзора; при этом зачастую данные меры носили характер произвола (*Valiente Fernández 2004*). Таким образом, несмотря на отсутствие формального запрета проституции, фактически она в этот период трактовалась как преступление, подлежащее наказанию, а в политике испанских властей, особенно на местах, реализовывалось все то же традиционное отношение к “жрицам любви”: как к воплощению порока, как к недостойным, аморальным и вредоносным существам. Все это привело к тому, что в условиях “франкистского аболиционизма” проституция не исчезла, а приняла скрытые формы: “девочки” работали теперь под видом официанток в кафе и ресторанах, модисток в небольших магазинчиках, горничных в отелях и пр.; возросло и количество тех, кто практиковал на частных квартирах и на улицах. Бордели замаскировались под питейные, танцевальные, развлекательные заведения и функционировали под прикрытием коррумпированной полиции (*Nicolás 2007*).

Лишение легального статуса, необходимость работать “подпольно” вытолкнули проституцию в преступную и еще более маргинальную среду, что, несомненно, осложнило и ухудшило положение “секс-работниц”; при этом возникали все новые разновидности “торговли сексом”, хотя и в замаскированной форме. Росту в 1960–1970-е годы количества вовлеченных в эту деятельность женщин способствовали некоторое смягчение идеологической атмосферы в стране и массовый иностранный туризм.

После франкизма: общественный дискурс и политика властей

О том, как менялись в испанском обществе представления и установки в отношении проституции в поставторитарную эпоху, отчасти можно судить по публикациям в СМИ разных политических направлений. Так, в начале либерально-демократического периода правая газета *ABC* называла это явление угрозой общественному здоровью, морали, состоянию и облику городской среды и общественной безопасности, а “секс-работниц” – маргинальными и преступными существами, тогда как левая *El País* требовала относиться к предоставляющим платные сексуальные услуги женщинам с уважением, видеть в них вполне достойных людей со своими чаяниями и собственным голосом, который необходимо слышать. Однако уже к концу 1990-х годов обе газеты

практически совпадают в трактовке проституток сугубо как жертв торговли людьми и сексуальной эксплуатации, лишенных собственной воли, инициативы, способности принимать решения. О случаях свободного выбора “профессии” почти не упоминается, а само ремесло подается в самом черном свете. Таким образом, несмотря на сохраняющееся политико-идеологическое различие двух изданий, оба они разделяют “аболиционистский” подход к проституции. Нельзя не упомянуть и о том, что в испанском обществе конца XX в., точнее в среде вовлеченных в феминистское движение, набравшее буквально на глазах силу и влияние, обозначилась еще одна позиция в отношении этого явления – “трудова́я”. Ее сторонники требовали признать возможность добровольного (а вовсе не по принуждению) предоставления платных секс-услуг, само занятие этим ремеслом отнести к законным (точно таким же, как любые другие) видам трудовой деятельности, а “секс-работниц” считать обычными, со всеми предусмотренными законом правами и обязанностями трудящимися, разве что требующими особого внимания и защиты со стороны государства в силу специфического характера их “профессии”.

Что же касается курса новой испанской администрации, то довольно долгое время она вовсе не принимала постановлений, затрагивающих сферу торговли сексом, а когда они наконец появились, то выглядели поначалу довольно непоследовательными. В какой-то момент были отменены не только прежние законы, позволявшие преследовать проституток, но и наказания за все виды деятельности, связанные с добровольной продажей секс-услуг (сутенерство и проч., правда, с неперемной оговоркой в отношении несовершеннолетних и умственно неполноценных). Однако в дальнейшем, ближе к концу 1990-х годов, правоохранители стали все больше склоняться к установкам “аболиционизма”: различие между добровольной и принудительной деятельностью такого рода не является принципиально значимым; в целом проституция неприемлема.

Последующий ход событий как будто подтверждает мнение, что за 40 с лишним лет либерального развития, когда, по словам погруженного в проблему комментатора, привычные границы между общественными группами (мужчинами и женщинами, хорошими и плохими женщинами, гетеро- и гомосексуальными персонками и т.д.) менялись, становились все более зыбкими и проницаемыми, а то и вовсе стремились к исчезновению, когда понимание сексуальности переосмыслилось “в атмосфере страха и беспокойства”, в испанском обществе так и не выработалось согласия в отношении проституции и тех, кто ею занимается. И в этом комментаторы видят одно из отличий страны от других государств Европы, где такое согласие в основном достигнуто. В Испании же даже после ухода авторитаризма с его директивной ориентацией на традиционные ценности все, связанное с сексуальностью, продолжало во многом оставаться табуированным, полным моральных и этических предрассудков, что, в частности, по-прежнему препятствует здесь широкому и свободному обсуждению этой темы (*Boza Moreno 2017*). Есть и еще один немаловажный момент, связанный с тем, что значительная часть местного населения в некотором роде травмирована недавней историей страны: помня об активном вмешательстве франкистских властей в частную, интимную жизнь, люди воспринимают какие-либо ограничения со стороны государства в этой сфере (как, впрочем, и во многих других) как совершенно недопустимые.

Текущую ситуацию в Испании в интересующем нас аспекте можно представить и таким образом: прежнее многовековое противостояние “запретитель-

ской” и “регламентаристской” моделей административной политики в отношении проституции после ухода авторитаризма и окончательного утверждения либерально-демократического устройства сменилось противоборством “аболиционистской” и “трудовой” моделей. То есть противники и сторонники существования проституции как таковой по-прежнему спорят между собой, но аргументация и тех и других выдержана теперь в ином ключе, что отражает серьезное изменение духа времени и общественных идейных позиций, в том числе представлений о добре и зле, о содержании понятий “моральное” и “аморальное”, о виновниках и жертвах социальных бед и нестроений и т.д. Так, если проституция для прежних “запретителей” есть зло и преступление по определению и все причастные к ней, включая “жриц любви”, суть преступники и заслуживают сурового наказания, то для нынешних “аболиционистов” – это прежде всего эксплуатация и унижение женщины мужчиной (и именно потому она неприемлема), а проститутка, даже добровольная – всегда жертва гендерного насилия, следовательно, какое-либо ее наказание принципиально исключается; все остальные участники процесса (в том числе клиенты) квалифицируются как “эксплуататоры” и должны караться. Соответственно, “регламентаристы” прошлого и “трудовики” сегодняшнего дня расходятся в своем отношении к личности проститутки: вторые, в отличие от первых, ставят во главу угла строгое соблюдение ее достоинства, трудовых и всех прочих прав при полном исключении контроля над ней (даже медицинского) и предотвращения ее стигматизации (опорочивания и унижения) в любой форме (*Boza Moreno* 2017). Таким образом, в эволюции общественных представлений в Испании последних десятилетий отчетливо прослеживается твердая и неуклонная феминистская тенденция, при этом в рамках самого феминизма “аболиционистская” партия, насколько можно судить, по влиянию на население и количеству приверженцев значительно превосходит своих оппонентов, стоящих за “трудовую” модель.

Столь очевидная разнородность общественного дискурса является, возможно, главной причиной того, что на уровне высших государственных инстанций сохраняется ситуация правовой неопределенности, так наз. алегальности, в отношении к данному явлению (*Grupo Atico34 s.a.*): проституция не регулируется действующими законами, не запрещена и не разрешена. Соответственно, “секс-работницы” не могут быть наказаны, поскольку их деятельность не обозначена как правонарушение или преступление в законодательстве. Преследуются и караются, однако, согласно нормам уголовного кодекса, действия “третьих лиц”, т.е. сутенеров и держателей притонов, наживающихся на проституции. Попытки официально установить статус древнейшей профессии в ходе парламентских голосований регулярно терпят неудачу: политики не могут договориться о формулировках, которые не только устраивали бы большинство депутатов, но и прежде всего четко разграничивали проституцию (не подлежащую наказанию) и торговлю людьми с целью их сексуальной эксплуатации (за которую полагается суровая кара) (*Boza Moreno* 2019).

Одним из следствий такого “расплывчатого аболиционизма”, при котором проституция не узаконена, но и не криминализована, является то, что “трудоженщины панели” по-прежнему остаются без социального обеспечения и правовой защиты, и это возмущает многих жителей страны (*Ibid.*). Вместе с тем нельзя не отметить, что современное испанское общество в своем большинстве по-прежнему не воспринимает профессиональную проституцию как разновидность трудовой деятельности (*Solana Ruiz* 2021).

Регулирование “снизу”

То обстоятельство, что данный вопрос на протяжении десятилетий находится в “подвешенном” состоянии, могло бы трактоваться как свидетельство его неважности, второстепенности, в сравнении с другими проблемами внутренней жизни страны, в глазах определяющего большинства населения Испании. Однако против этого говорит тот безусловно значимый факт, что с 2000-х годов началась спонтанная компенсация “правового вакуума”, существующего на уровне государства в отношении проституции, путем введения норм на более низких административных уровнях: автономном и муниципальном. Процесс “местного законодательства” в данной сфере в короткий срок охватил всю страну (от Андалусии и Каталонии до Страны басков и Галисии), и его содержание определенным образом характеризует сегодняшние умонастроения граждан.

Исходно декларируемый посыл, общий для всех муниципальных постановлений, касающихся проституции, состоит в том, что торговля сексуальными услугами есть нанесение ущерба общественному пространству и общественному порядку. Но далее в борьбе с этим занятием в разных местах избирается один из двух подходов – “запретительский” или “аболиционистский”, основная разница между которыми состоит в наличии или отсутствии административного наказания для женщины-проститутки. Так, согласно барселонским нормам, к ответственности должны быть привлечены оба участника сексуальной сделки, при этом к женщине заведомо относятся менее строго, в большинстве случаев речь идет о штрафах (в 2019 г. их размер составлял от €100 до €3000). Помимо этого, свод правил предусматривает помощь в “реинтеграции” в общество со стороны властей Барселоны задержанным проституткам, если они захотят оставить свое занятие, а также содержит рекомендации СМИ, призывающие уважать в своих репортажах и комментариях достоинство “секс-работниц” и не допускать ни малейшей дискриминации по признаку пола.

В “запретительских” нормативах горсовета Мурсии необходимость борьбы с проституцией объясняется еще и тем, что она, будучи сексуальной эксплуатацией, “распространяет образ женщины как просто сексуального объекта” и таким образом вредит социальному сосуществованию. В мурсийском случае штрафуют не только “секс-работницу” и клиента, но и “рекламщиков” всех категорий, а также, конечно, сводников и сутенеров. Свои местные, по сути второстепенные, особенности запрета оказания платных секс-услуг в пределах общественного пространства обнаруживаются в соответствующих правилах Гранады, как, впрочем, и всех прочих испанских городов, принявших данную модель.

Муниципальные постановления другой, “аболиционистской”, направленности трактуют проститутку сугубо как жертву гендерного насилия и предусматривают наказание только тех, кто квалифицируется ее эксплуататорами: сутенеров и клиентов. В Севилье принятию соответствующего свода правил в 2011 г. предшествовала информационно-пропагандистская кампания под лозунгом “Тыходишь как клиент, выходишь как соучастник!” (имелась в виду покупка секс-услуги); по всему городу висели плакаты, на которых потенциальный покупатель был изображен в виде заключенного с табличкой “Думай своей головой!” (*Boza Moreno* 2019). В Мадриде, принявшем аналогичный по смыслу указ в 2014 г., надпись на уличных плакатах гласила: “Твои деньги творят много зла. Из-за того, что ты платишь, и существует проституция” (*Sahuquillo* 2009).

Своего рода ответом на эту волну регулирования “снизу” стал общеиспанский закон 2015 г. “О безопасности граждан”, который, по определению экспертов, поднял на государственный уровень практиковавшееся ранее только “на местах” административное преследование проституток и их клиентов (*Boza Moreno* 2019).

Особенности бытования проституции в постфранкистской Испании

Отмеченный выше разноречивый, наблюдаемый в постфранкистский период как в общественной трактовке проституции, так и в политике администрации разных уровней по отношению к ней, перекликается с отсутствием согласия в среде комментаторов по части реальных масштабов этого явления и его добровольного или же подневольного характера. На фоне отсутствия достоверной статистики по теме оппоненты обвиняют друг друга в оперировании неподтвержденными данными и принесении истины в жертву исповедуемой идеологической доктрине (*Boza Moreno* 2017). Некоторые факты и обстоятельства, впрочем, не вызывают споров, как, например, происходящая в новых условиях постепенная эволюция национально-демографического состава корпуса “секс-работниц”: в 1970-е годы это были по преимуществу испанки; в 1990-е годы на фоне роста материального благополучия в стране большинство уже составляли иммигрантки; в 2008 г. с приходом кризиса вновь увеличилось число испанок, которые обратились к проституции как источнику дохода (*Solana Ruiz* 2021). Однако, согласно данным исследования 2009 г., и в тяжелые годы кризиса до 90% “тружениц секса” были иммигрантками: большую часть их поначалу составляли латиноамериканки, позднее к ним добавились многочисленные приезжие из Восточной Европы (прежде всего из Румынии и Болгарии), затем – из азиатских стран и т.д. (*Sex work* 2009). Такой “перекос” в сторону иностранок, к тому же не имеющих, как правило, легальных оснований для пребывания в стране, во многом сохраняется и в настоящее время, насколько можно судить по публикациям в СМИ.

Положение подавляющего большинства “секс-работниц” в социально-юридических условиях, которые трудно назвать благоприятными для занятия их ремеслом, рисуется многими комментаторами и экспертами (представителями общественных организаций, защищающих права и интересы проституток, сотрудниками служб, работающих с ними, социальными антропологами, а также самими проститутками) как бедственное или близкое к таковому. Прежде всего это связано с тем, что уже существующие и вновь вводимые нормы только ухудшают условия жизни и деятельности этих женщин и не освобождают их, как это всякий раз декларируется, а фактически способствуют тому, что толкающая многих на этот путь бедность криминализируется и становится уголовно наказуемой. Изгоняя проституцию из публичного пространства, власти добиваются лишь того, что она перемещается в места, скрытые от глаз, а “секс-работницы”, остающиеся на улице, не могут теперь спокойно договариваться с клиентом и вынуждены соглашаться на куда худшие, чем прежде, условия (рискованные и с меньшей оплатой), чтобы компенсировать потерю доходов; существенно бьет по их заработку и необходимость оплачивать штрафы, налагаемые администрацией (*Boza Moreno* 2019). А согласно доминирующей в обществе и в государственной политике установке, проститутки исходно и по существу являются жертвами корыстных людей и непреодолимых тяжелых обстоя-

тельств, терпят постоянный материальный и моральный ущерб и даже порой рискуют собственной жизнью.

При этом, однако, попадающие в СМИ фактические данные и экспертные оценки рисуют картину весьма широкого распространения и активного функционирования проституции на территории Испании. Ежедневно в местных газетах печатаются сотни объявлений об интимных услугах за деньги. В одном лишь 2008 г., к примеру, в стране был оплачен 1 млн такого рода услуг (Ibid.), а в 2018 г. общий годовой оборот средств в данной сфере достигал 22,8 млрд евро (мировой оборот составлял 160 млрд евро) и равнялся примерно половине государственных расходов на образование. Утверждается, что в стране на одну бюджетную больницу приходится как минимум три борделя и что Испания занимает одно из первых мест в мире по количеству клиентов, пользующихся услугами проституток (Alvarez 2009). Благодаря наличию целой сети “клуббаров” особого профиля (в городах и деревнях, вдоль автомобильных дорог и т.д.), с конца 2000-х годов Испания стала особенно цениться иностранными любителями интимных забав, пусть и не афишируемых, но легко доступных (Секс-туризм 2013). Наконец, со строго карающими “сексуальные сделки” в общественном пространстве местными нормативами кое-где, например в Каталонии, причудливым образом уживаются официально разрешенные (при условии получения владельцами муниципальной лицензии) дома свиданий, за стенами которых и осуществляются те самые “сделки”, категорически запрещенные на улице. А в Малаге в ответ на настойчивые требования “секс-работниц” было выделено специальное пространство для занятия предосудительным, но не запрещенным конституцией ремеслом (Carranco, Sahuquillo 2012). Кстати, власти провинции Жирона по причине отсутствия в Основном законе такого запрета и вовсе отменили штрафы для задерживаемых проституток и их клиентов всего через год после введения (Boza Moreno 2019). И наконец, что очень важно, в испанской печати не так уж мало откровенно противоречащих мейнстримным установкам сообщений о том, что многие проститутки отнюдь не тяготятся своим положением, напротив, они признаются, что только благодаря ему сумели достичь чаемого уровня жизни, порой безуспешно перепробовав целый ряд других занятий. Аналогичным образом выясняется, что немалая часть иностранок, нелегально находящихся в Испании и промышляющих здесь древнейшей профессией, прекрасно отдает себе отчет в том, что делает, сознательно использует помощь преступного мира и не намерена отказываться от своего ремесла, которое позволяет не только вполне сносно, с точки зрения самих женщин, существовать, но и содержать здесь свои семьи и даже отсылать какие-то суммы на родину (Boza Moreno 2017).

При отсутствии официальных данных огромный разброс наблюдается в оценке количества “секс-работниц” в стране: от 14–100 тыс. в одном источнике (Alvarez 2009) до 400–500 тыс. в другом (Boza Moreno 2019). Так же обстоит дело и с их клиентурой: утверждение одной из ассоциаций “аболиционистского” толка о том, что едва ли не каждый второй испанский мужчина является покупателем интимных услуг (40%), решительно отвергается оппонентами как заведомо ложное и не имеющее под собой фактических оснований. Целый ряд других утверждений, получивших неоправданно широкое распространение, также опровергается противниками “аболиционистской” модели: например, что “сексуальное рабство”, т.е. принудительная проституция, многократно преобладает над добровольным занятием этим ремеслом (Solana Ruiz 2021).

В свете всего сказанного выше не приходится удивляться тому, что ситуация

с проституцией в Испании последних десятилетий на фоне “разноголосицы” мнений (к тому же, как правило, весьма идеологизированных и даже политизированных), трактовок и административных мер, в условиях “зависшей” юридической неопределенности подвергается критике буквально со всех сторон. В то время как одни призывают к легализации проституции и признанию ремесла законным видом трудовой деятельности, а “секс-работниц” – полноправными трудящимися, другие категорически отвергают саму идею официального разрешения торговли интимными услугами. Общим местом стали обвинения властей в лицемерии, в следовании “двойной морали”, поскольку у них не хватает духу решить проблему радикально (в ту или иную сторону) и они озабочены только тем, чтобы убрать ее из поля зрения общественности, отчего она не исчезает, а лишь видоизменяется (Carranco, Sahuquillo 2012). Ставшее практически доминирующим в практике правоохранительных органов “мягкое запретительство”, выражающееся в гонениях на уличную проституцию, способствует только тому, что “секс-работницы” укрываются в подпольных борделях и на частных квартирах, ищут поддержки и защиты у мафии, сутенеров, а также у содержателей домов свиданий, где они действительно нередко становятся жертвами насилия. Порой отмечается, что традиционное отношение к “падшим женщинам” то и дело пробивается сквозь слои политкорректности и феминистской идеологии: например, клиенты, вопреки всем “прогрессистским” установкам, в конечном счете подвергаются меньшим наказаниям, чем проститутки (утверждается, что последних штрафуют в пять раз чаще) (Boza Moreno 2019). При этом сфера интимных услуг (в отношении возможности наблюдать, обсуждать и контролировать то, что там происходит) остается гораздо более закрытой, чем другие сферы социальной жизни страны, и гораздо более “обремененной” предвзятыми представлениями о ней, сопряженными с глубоко укоренившимися предрассудками в широких слоях местного населения.

Так и не устранено юридическое противоречие, состоящее в том, что муниципальные штрафы и другие наказания за проституцию нарушают Основной закон страны, в соответствии с которым занятие этим ремеслом (и какое-либо участие в процессе) не квалифицируется как преступная деятельность. Еще опаснее, с точки зрения некоторых комментаторов, то обстоятельство, что вынужденное принятие местными и региональными администрациями представляющихся необходимыми правил по причине необъяснимого для многих отсутствия общегосударственного закона подрывает авторитет центральной власти – в обстановке, когда проблема административно-территориального единства страны продолжает оставаться актуальной. Тем не менее не ясно, что могло бы изменить столь затянувшуюся и, казалось бы, мало кого устраивающую ситуацию “конфликтной неопределенности”, в которой находится сегодня проституция в Испании и которая стала результатом отнюдь не гармоничного сосуществования и взаимодействия разных по своему происхождению и своей природе тенденций, факторов и влияний.

Источники и материалы

- Секс-туризм 2013 – Секс-туризм в Испании: особенности, где, как и почему? // Livejournal. 25.09.2013. <https://silviapons.livejournal.com/11757.html>
- Álvarez 2009 – Álvarez P. España enfila hacia la prohibición de la prostitución // El País. 21.02.2009. https://elpais.com/sociedad/2018/09/07/actualidad/1536339196_130672.html

- Carranco, Sahuquillo* 2012 – *Carranco R., Sahuquillo M.R.* La prostitución, mejor debajo de la alfombra // *El País*. 31.05.2012. https://elpais.com/sociedad/2012/05/31/vidayartes/1338491745_774783.html
- Grupo Atico34 s.a. – Grupo Atico34 s.a. <https://protecciondatos-lopdp.com/empresas/alegal> (дата обращения: 12.02.2023).
- Sahuquillo* 2009 – *Sahuquillo M.R.* Prostitutas con licencia; clientes clandestinos // *El País* 21.02.2009. https://elpais.com/diario/2009/02/21/sociedad/1235170801_850215.html
- Sex work 2009 – Sex Work in Europe: A Mapping of the Prostitution Scene in 25 European Countries // Wayback Machine TAMPEP. 2009. <https://web.archive.org/web/20150714160224/http://tampep.eu/documents/TAMPEP%202009%20European%20Mapping%20Report.pdf>

Научная литература

- Boza Moreno E.* Sobre la prostitución. Un análisis desde la Política Criminal y la necesidad de su legalización. Tesis doctoral. Universidad Pablo de Olavide de Sevilla, 2017.
- Boza Moreno E.* La prostitución en España: el limbo de la ilegalidad // *Estudios penales y criminológicos*. 2019. Vol. 39. P. 217–301. <http://dx.doi.org/10.15304/epc.39.5330>
- Escobedo Mugerza I.* Los historiadores y la prostitución. Un balance historiográfico relativo a la etapa contemporánea // *Revista Historia Autónoma*. 2019. Núm. 15. P. 155–170. <https://doi.org/10.15366/rha2019.15.008>
- Guereña J.-L.* Los orígenes de la reglamentación de la prostitución en la España contemporánea. De la propuesta de Cabarrús (1792) al Reglamento de Madrid (1847) // *Dynamis. Hispanica ad Medicinam Scientiarumque Historiam Illustrandam*. 1995. Vol. 15. P. 401–441.
- Moreno Mengíbar A., Vázquez García F.* Poderes y prostitución en España (siglos XIV–XVII). El caso de Sevilla // *Criticón*. 1997a. Núm. 69. P. 33–49.
- Moreno Mengíbar A., Vázquez García F.* Prostitución y racionalidad política en la España contemporánea: un continente por descubrir // *Historia contemporánea*. 1997b. Núm. 16. P. 67–88.
- Nicolás G.* La reglamentación de la prostitución en el Estado español. Genealogía jurídico-feminista de los discursos sobre prostitución y sexualidad. Tesis doctoral. Departamento de Derecho Penal y Ciencias Penales, Universidad de Barcelona, 2007.
- Solana Ruiz J.L.* Es reseña de: Puñal Rama A.B. La prostitución en el espejo de los medios. Un análisis de *Abc* y *El País* entre 1977 y 2012. Málaga, 2019 // *Gazeta de Antropología*. 2021. Núm. 37 (1). <http://www.gazeta-antropologia.es/?p=5468>
- Valiente Fernández C.* La política de la prostitución: el papel del movimiento de mujeres y los organismos de igualdad en España // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS)*. 2004. Núm. 105. P. 103–132.

Research Article

Kozhanovsky, A.N. Female Prostitution in Contemporary Spain: Uncertainty of the Obvious [Zhenskaiia prostitutsiia v sovremennoi Ispanii: neopredelennost' ochevidnosti]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 70–84. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030041> EDN: COXBIB ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Aleksander Kozhanovsky | <http://orcid.org/0000-0003-1699-3660> | ankozhan49@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

modern Spain, female prostitution, evolution of social values, sociocultural conflict

Abstract

During several decades of the post-Francoist development, Spanish society has experienced epochal sociocultural transformations that radically changed its ideological atmosphere and value orientations. Considering the situation with female prostitution in Spain allows us to understand the nature of those changes and their orientation better. It also helps us to compare the current existence of this specific phenomenon with the previous era. I track the evolution of the attitudes of Spanish society and the state toward both prostitution as such and the categories of persons involved in it (prostitutes, their owners and pimps, clients, etc.), all under the conditions of the dominance of so-called “liberal paradigm” in public discourse. Among the peculiar features of the “Spanish case”, the national demographic composition of “sex workers” is noted, as well as the protracted struggle of opinions around the interpretation of prostitution in society, a struggle whose acuteness stands in the way of adopting a law on it and thereby ending its current “illegality” (“neither permission nor prohibition”).

References

- Boza Moreno, E. 2017. Sobre la prostitución. Un análisis desde la Política Criminal y la necesidad de su legalización [About Prostitution. An Analysis from the Criminal Policy and the Need for Legalization]. PhD diss. abstract, Universidad Pablo de Olavide de Sevilla.
- Boza Moreno, E. 2019. La prostitución en España: el limbo de la alegalidad [Prostitution in Spain: The Limbo of Alegality]. *Estudios penales y criminológicos* 39: 217–301. <http://dx.doi.org/10.15304/epc.39.533>
- Escobedo Muguerra, I. 2019. Los historiadores y la prostitución. Un balance historiográfico relativo a la etapa contemporánea [Historians and Prostitution: A Historiographical Balance Concerning the Contemporary Stage]. *Revista Historia Autónoma* 15: 155–170. <https://doi.org/10.15366/rha2019.15.008>
- Guereña, J.-L. 1995. Los orígenes de la reglamentación de la prostitución en la España contemporánea. De la propuesta de Cabarrús (1792) al Reglamento de Madrid (1847) [The Origins of the Regulation of Prostitution in Contemporary Spain: From the Cabarrús Proposal (1792) to the Madrid Regulation (1847)]. *Dynamis. Hispanica ad Medicinae Scientiarumque Historiam Illustrandam* 15: 401–441.
- Moreno Mengíbar, A., and F. Vázquez García. 1997. Poderes y prostitución en España (siglos XIV–XVII). El caso de Sevilla [Powers and Prostitution in Spain (XIV–XVII Centuries): The Case of Seville]. *Criticón* 69: 33–49.
- Moreno Mengíbar, A., and F. Vázquez García. 1997. Prostitución y racionalidad política en la España contemporánea: un continente por descubrir [Prostitution and Political Rationality in Contemporary Spain: A Continent to be Discovered]. *Historia contemporánea* 16: 67–88.
- Nicolás, G. 2007. La reglamentación de la prostitución en el Estado español. Genealogía jurídico-feminista de los discursos sobre prostitución y sexualidad

[Regulation of Prostitution in the Spanish State: Legal-Feminist Genealogy of Discourses on Prostitution and Sexuality]. PhD diss. abstract, Departamento de Derecho Penal y Ciencias Penales, Universidad de Barcelona.

- Solana Ruiz, J.L. 2021. Review of *La prostitución en el espejo de los medios. Un análisis de Abc y El País entre 1977 y 2012* [Prostitution in the Media Mirror: A Study of the ABC and El País Newspapers in the Period from 1977 to 2012], by A.B. Puñal Rama. *Gazeta de Antropología* 37 (1). <http://www.gazeta-antropologia.es/?p=5468>
- Valiente Fernández, C. 2004. La política de la prostitución: el papel del movimiento de mujeres y los organismos de igualdad en España [The Politics of Prostitution: The Role of the Women's Movement and Equality Bodies in Spain]. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS)* 105: 103–132.